

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XIII

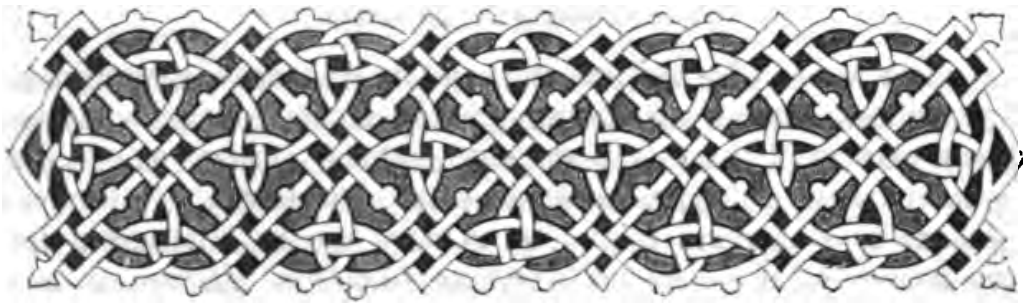
1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1883

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ БУНТА ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

(По разсказамъ очевидцевъ.)

О НАСТОЯЩЕЕ время въ исторической литературѣ уже напечатано довольно много документовъ, и въ особенности воспоминаній, о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 году. Однако же, не смотря на это, не мало еще трагическихъ эпизодовъ, случившихся во время бунта, остаются неизвѣстными. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ, записанный нами со словъ очевидцевъ, предлагается здѣсь вниманію читателей.

I.

Въ 1827 году, 8-го сентября, въ деревнѣ Залучье, въ 44 верстахъ отъ Старой Русы, былъ открытъ вновь устроенный артиллерійскій округъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. На площади между Залучьемъ и Великимъ Селомъ, въ присутствіи трехъ дѣйствующихъ бригадъ гренадерской дивизіи, служили молебствъ и читалась грамота; послѣ того, столь важное для этой мѣстности событіе отпраздновано было обѣдомъ у бригаднаго командира полковника Алексѣя Семеновича Малѣева.

Деревня Залучье, имѣвшая не болѣе 20 дворовъ, была расположена на довольно возвышенной мѣстности, вблизи которой протекала рѣка Робыя. Въ 1827 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Залучье прибылъ Малѣевъ и въ продолженіи лѣта устраивалъ все необходимое для своего штаба: проводили дороги, дѣлались мосты, такъ

какъ ничего этого раньше не было; строились цейхаузы, госпиталь, артиллерійскія конюшни и сараи для пушекъ. Сначала какъ Малѣевъ съ семействомъ, такъ и офицеры, расположились въ простыхъ избахъ поселенъ; но вскорѣ были воздвигнуты всѣ зданія, необходимыя для размѣщенія начальствующихъ лицъ и въ самой деревнѣ стала наблюдаться чистота чрезвычайная. На выѣздѣ изъ Залучья по направленію къ Старой Русѣ была вновь сдѣлана прямая дорога на разстояніи 20 верстъ до деревни Коровичиной, въ которой находился паромъ черезъ рѣку Ловать, плагбаумъ и ворота. Домъ бригаднаго командира, окруженный садомъ, былъ построенъ на пригорѣ, надъ самой рѣкой Робьей.

Въ округѣ проживало очень много старовѣровъ безпоповщинцевъ, вслѣдствіе чего, по ходатайству Малѣева, были выстроены двѣ деревянныя церкви, одна въ Залучьѣ, а другая—въ деревнѣ Шубиной, центрѣ старовѣрства. Когда церкви были готовы, то особенно въ Шубинѣ принуждали старовѣровъ посѣщать каждую воскресную службу; обыкновенно они стояли въ оградѣ и когда священникъ кадилъ, то враждебно настроенные старовѣры долго потомъ отряхивали свои бороды и платья, желая избавиться отъ дыма ладоны; часто бывали и такіе случаи, что старовѣры оборачивались задомъ къ церкви; тогда солдаты обязаны были по командѣ поворачивать ихъ лицомъ къ храму.

Бригадный командиръ полковникъ А. С. Малѣевъ имѣлъ въ то время жену Мавру Ивановну, урожденную княгиню Путятину и двоихъ дѣтей—Наталью, трехъ лѣтъ, и Марію—пяти; потомъ къ нему привезли изъ Воронежа двухъ сиротъ—дѣтей его брата. Къ всѣмъ этимъ дѣтямъ была приглашена гувернантка, Марья Александровна Юракъ изъ Смольнаго монастыря. Семья Малѣева была чрезвычайно общительна, ее любили всѣ окрестные помѣщики и часто посѣщали запросто. Каждый четвергъ собирался комитетъ, въ которомъ разбирались тяжбы поселенъ, дѣла о покражахъ сѣна, дракахъ, порубкахъ и проч. Въ комитетѣ присутствовали ротные командиры семи поселенныхъ ротъ и помощники ихъ, а также священникъ дер. Залучья и поселяне. По окончаніи засѣданія, у Малѣева бывалъ обыкновенно обѣдъ, а вечеромъ устраивались танцы. Сама хозяйка, какъ воспитанница Екатерининскаго института хорошо играла на рояли и была душою всего общества. По воскресеньямъ къ Малѣевымъ пріѣзжали въ гости: генераль Буткевичъ съ тремя дочерьми, графъ Стройновскій ¹⁾, помѣщица Варвара Андреевна Бостельманъ, а изъ Старой Русы генераль Никитинъ. Самъ Малѣевъ отличался твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ и большимъ самоотверженіемъ. Поселяне его боялись, а сослуживцы

¹⁾ О Буткевичѣ и графѣ Стройновскомъ подробно говорится въ «Воспоминаніяхъ» г. Маевского, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881 года.

уважали какъ отца за гуманное отношеніе къ нимъ внѣ службы и честное исполненіе своихъ обязанностей какъ начальника. Малѣевъ ѣздилъ по округу въ мѣсяцъ раза два; крестьяне обязаны были также давать подводы доктору, бабкѣ, священнику и почтѣ; матеріальное положеніе ихъ было довольно хорошо, такъ напр., часто можно было встрѣтить мужиковъ, которые имѣли по 20 коровъ и 4 барки сѣна, а у остальныхъ было по 4 коровы, 2 лошади и всѣ принадлежности для обработки земли. Установленный для нихъ костюмъ былъ таковъ: казакины сѣраго сукна, пояса съ красными кантами, черныя фуражки и брюки съ краснымъ кантомъ и красные погоны съ надписью номера роты.

Коренное населеніе округа—старовѣры никакъ не могли привыкнуть къ новымъ порядкамъ и легко поступиться своими обычаями въ пользу всѣхъ новшествъ; а потому вскорѣ въ разныхъ мѣстахъ стали обнаруживаться сопротивленія нововведеніямъ; такъ, старообрядскіе попы перекрещивали дѣтей, крещеныхъ по православному обычаю, и не позволяли дѣвицамъ выходить замужъ за православныхъ поселянъ; впрочемъ, бывали случаи, когда сами дѣвицы тайкомъ убѣгали изъ дому и вступали въ бракъ противъ воли своихъ родныхъ, закоренѣлыхъ старовѣровъ. Когда же мѣстные власти начали преслѣдовать ихъ все болѣе и болѣе, закрывая молельни въ Коровичинѣ, Шубинѣ, Горкахъ и другихъ деревняхъ, то самыя вліятельныя и богатые изъ старовѣровъ стали искать случая подать просьбу высшему начальству и даже государю императору. По этому поводу, въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранился слѣдующій разговоръ.

Въ Великомъ Селѣ, въ трехъ верстахъ отъ Залучья, проживалъ крестьянинъ 70 лѣтъ Григорій Ивановъ; у него былъ сынъ солдатъ, человекъ довольно зажиточный. Когда состоялся царскій смотръ въ Старой Русѣ, Григорій Ивановъ собрался идти туда, желая хотя передъ смертью, какъ онъ говорилъ, посмотреть на императора. Пришелъ онъ и пробрался къ самой свитѣ, окружавшей государя, такъ что обратилъ на себя вниманіе царя.

— Что тебѣ, старина, здѣсь нужно? спросилъ его государь.

— Да вотъ пришелъ посмотреть на батюшку царя, отвѣчалъ старикъ, не зная съ кѣмъ говорить.

— Что же, видѣлъ ты его?

— Не знаю, батюшка, вѣдь такъ то много здѣсь господь.

— Нѣтъ ли у тебя до царя какой просьбы?

— Ничего мнѣ не надо! А и то сказать, избенка то у меня очень плоховата, лѣску бы надо было.

Государь приказалъ написать тотчасъ же въ округъ о выдачѣ этому старику необходимаго матеріала для постройки избы. Когда Григорію Иванову, по возвращеніи въ деревню, выдали лѣсъ на избу, тогда онъ только догадался, кто былъ его собесѣдникъ. Узнали

объ этомъ и старовѣры, и очень разсердились на Григорія Иванова, что вотъ молъ какъ онъ былъ близко къ царю и могъ бы рассказать ему о всѣхъ ихъ нуждахъ. Полагая, что теперь Григорій Ивановъ лично извѣстенъ государю они уговорили его за хорошее вознагражденіе отправиться въ Петербургъ и подать государю прошеніе. Григорій Ивановъ отправился и успѣлъ лично вручить государю бумагу.

— Ну, дѣдушка, это не твое ужъ дѣло! сказалъ ему государь.— Это была воля царя, такъ и должно быть!

Вслѣдъ за тѣмъ, Григорія Иванова препроводили въ Юрьевъ монастырь на жительство; а его домъ остался совсѣмъ недостроеннымъ, такъ какъ хозяину суждено было и умереть въ томъ же монастырѣ.

Въ 1831 году, дѣйствующія войска всѣхъ поселенныхъ округовъ выступили въ польскую кампанію, а въ артиллерійскомъ округѣ остались только резервные полки и инвалидная рота.

II.

11-го іюля 1831 года, въ домѣ Малѣева собрались обычные посѣтители съ цѣлью провести денекъ въ разнаго рода деревенскихъ удовольствіяхъ; за чаемъ Малѣевъ внезапно получаетъ, отъ командира округа принца Евгенія Виртембергскаго, Посѣта, письмо, въ которомъ тотъ предупреждалъ его особенно смотрѣть за военнорабочими солдатами, такъ какъ они въ Старой Русѣ страшно бунтуютъ, многихъ убили, разбили лазареты, а докторовъ выбросили изъ окошекъ за то, что они будто бы отравляютъ народъ. Прочитавъ письмо Посѣта, Малѣевъ сказалъ: «Вотъ вторую подобную бумагу получаю въ своей жизни, первую еще въ 1812 году; но, въ случаѣ чего, я своихъ усмирю, у меня 30 человекъ команды» Всѣ гости тотчасъ же поразѣхались, прося Малѣева дать имъ помощь, въ случаѣ опасности отъ крестьянъ. Въ 12 часовъ ночи къ Малѣеву явился его адъютантъ Беренсъ и доложилъ слѣдующее: «Прихожу домой и застаю неожиданныхъ гостей изъ Старой Русы—квартальнаго надзирателя и городского; они везли одного кутилу офицера изъ Русы на Осташковскую дорогу, гдѣ былъ расположенъ его баталіонъ для содержанія карантина; на возвратномъ пути оттуда они узнали, что въ Русѣ бунтъ, и для своего спасенія свернули съ Рамышева въ артиллерійскій округъ на Залучье». Выслушавъ Беренса, Малѣевъ распорядился приготовить въ Коровичинѣ два орудія и собрать тамъ сколько было можно резервныхъ солдатъ, а майору Отрощенко предписалъ немедленно собрать свой баталіонъ, бывшій на карантинѣ, и отправляться въ Коровичино; въ этой деревнѣ Малѣевъ намѣревался соединиться съ Отро-

щенкомъ и направиться въ Старую Русу для усмиренія бунта. Однако, до 3-хъ часовъ, 12-го іюля, въ понедѣльникъ, Малѣевъ не получилъ никакого увѣдомленія съ карантина, а потому, наскоро пообѣдавъ, самъ отправился съ своимъ адъютантомъ къ Отрощенкѣ. Жена его, Мавра Ивановна, какъ будто предчувствуя нависшую грозу, съ небывалою грустью проводила мужа, благословивъ, стоя на крыльцѣ, его нѣсколько разъ и, возвратясь въ комнату, со слезами сказала прислугѣ: «Молитесь, чтобы Алексѣй Семеновичъ благополучно вернулся домой!» Не прошло и четверти часа послѣ отъѣзда Малѣева, какъ бунтовщики вдругъ нагрянули съ задворковъ на деревню; имъ попалась на встрѣчу женщина съ ребенкомъ, она шла въ баню; одинъ изъ толпы хватилъ ее коломъ по спинѣ, приговаривая: «Твой свекоръ взялъ 200 рублей съ Малѣева, чтобы огороды травить». Вывизгнула несчастная и на этотъ крикъ на улицѣ выскочила изъ дома Малѣева полковая бабка, чтобы узнать, что тамъ происходитъ.

— Гдѣ Малѣевъ? закричалъ подошедшій изъ толпы мельникъ деревни Залучья, держа въ рукахъ громадный колъ.

— Поѣхалъ въ карантинъ, отвѣчала бабка.

— А гдѣ же Малѣиха? спросилъ онъ и ткнулъ коломъ въ дверь, мѣшая ей закрыться.

Но бабка быстрымъ движеніемъ оттолкнула колъ, захлопнула дверь и заперла на задвижку. Не успѣла она обернуться, какъ видитъ на встрѣчу бѣжить Малѣева съ 4-мя дѣтьми и кричить, что бунтовщики ворвались въ домъ съ другаго входа; дѣйствительно, всѣ комнаты были переполнены поселянами съ громадными кольями. Все, что имъ попадалось подъ руку, разбивалось и ломалось. Бабка заперла всю семью Малѣева въ сѣняхъ въ чуланчикъ, а сама осталась въ передней. Вскорѣ толпа ворвалась въ переднюю.

— Пусть лучше одинъ Малѣевъ погибнетъ, чѣмъ намъ всѣмъ умирать отъ отравы! кричалъ одинъ поселянинъ. На возраженія бабки, онъ продолжалъ кричать: — «У него, говорятъ, семь кулей запасено яду отравлять огороды и колодцы!»

Бунтовщики перевернули въ домѣ все вверхъ дномъ: всѣ сундуки были очищены, даже зола изъ печекъ выгребена; все крупное перебито — зеркала, лампы, посуда, рояль разрублены на мелкіе кусочки. На улицѣ предъ домомъ толпа представляла потрясающую картину буйства; тутъ происходилъ споръ изъ-за какойнибудь вещи, тамъ лошади разукрашивались награбленнымъ имуществомъ: на одной шаль вмѣсто попоны, на другой надѣта розовая креповая шляпа, къ третьей была привязана вмѣсто сѣдла перина гувернантки.

— Ахъ, моя перина! моя перина! завопила было гувернантка и бросилась ее вырывать.

— Прочь барыня! закричали ей два дюжихъ старовѣра:—спасайся, пока жива, что взято, то свято!

На телѣгахъ торчала поломаная мебель; на одной былъ поставленъ диванъ, на которомъ едва сидѣли, перепившіеся наливкою Малѣева, два кантониста; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ педаль, а другой пеструю юбку на палкѣ, вмѣсто флага и т. п.

Нашелся таки одинъ добрый поселенинъ; отыскавъ Малѣеву съ дѣтьми онъ скрытно провелъ ее изъ дома въ сосѣднюю двухъ-этажную избу; Мавра Ивановна была посажена на лавку уже совсѣмъ безъ памяти, дѣти съ гувернанткой бросились на колѣни передъ образомъ и жарко молились о спасеніи отца. Только что они успѣли утолить жажду попавшимся въ избѣ квасомъ, какъ ворвался совершенно пьяный, страшнаго вида и громаднаго роста, бунтовщикъ съ нагайкою въ рукахъ; размахивая ёю направо и налево, онъ завопилъ: «Гдѣ здѣсь Малѣиха? Я пришелъ ее спасать!» Когда ему указали на всю семью, приютившуюся въ углу избы, то онъ уже успѣлъ лишиться твердости въ ногахъ и, потерявъ равновѣсіе, присѣлъ, процѣживая сквозь зубы:

— Ну такъ спасайтесь! а я ужъ ничего не могу сдѣлать!

Тогда полковая бабка спрятала Малѣеву съ дѣтьми въ чуланѣ за кадками и бочками съ полотномъ и паклею, и обратясь къ пьяному спросила его:

— Какъ же тебя зовутъ?

— Сенька Боровокъ, отвѣчалъ онъ: — сидите себѣ тамъ, а я тутъ буду караулить; затѣмъ, онъ растянулся и скоро захрапѣлъ.

Перепуганные, несчастные дѣти молились теперь уже не за папу и маму, а за Сеньку Боровка. Когда толпа вваливалась въ эту избу, Боровокъ отъ шума просыпался и каждый разъ на вопросъ—здѣсь ли Малѣиха? отвѣчалъ:

— Полно, братцы, тутъ никого нѣтъ! одинъ только я.

Часовъ въ 8 вечера у Малѣевой нашлись еще защитники изъ поселенъ; для большей безопасности они рѣшили отвести ее съ дѣтьми на гауптвахту; на всемъ пути она отъ изнеможенія нѣсколько разъ падала, кромѣ того, ей было нанесено бунтовщиками нѣсколько ударовъ, одинъ изъ нихъ на столько былъ силенъ, что вся гребенка на головѣ вошла въ кожу. Нѣкоторые бунтовщики хотѣли положить ее съ дѣтьми на одинъ возъ съ тѣлами убитыхъ офицеровъ и везти въ деревню Великое Село на р. Рось. Видя такое ужасное намѣреніе толпы, караульный на гауптвахтѣ, унтеръ-офицеръ Крупенинъ, сталъ убѣждать бунтовщиковъ, говоря:

— Ну, братцы, куда вы тамъ ее повезете? оставьте лучше здѣсь умирать.

Пока Малѣеву вели на гауптвахту, все ея платье было оборвано, а съ дѣтей бунтовщики сорвали верхнюю одежду, такъ что они пришли въ однѣхъ рубашенкахъ.

III.

На другой день, въ два часа утра, бунтовщики приняли уже оборонительныя мѣры на случай возвращенія Малѣева съ батальономъ: одно орудіе было вывезено къ воротамъ деревни, а другое поставлено на разстояніи 100 шаговъ у плагбаума; кромѣ того, до 700 человекъ поселянъ отправились въ карантинъ съ цѣлью взять тамъ полковника, съ которымъ было не болѣе 40 человекъ солдатъ.

Малѣева весь день находилась въ страшномъ бреду, прикладывалась къ стѣнѣ, точно къ образамъ, никого не узнавала или же вдругъ спрашивала окружающихъ:

— А вы слышали, какъ бѣдный мой Алексѣй Семеновичъ кричалъ? Я сама вотъ сейчасъ слышала; бѣдный, бѣдный! Его тамъ убили! и при этомъ несчастная заливалась горькими слезами; или вдругъ прислушивалась къ чему-то и, обвѣдя дикимъ взоромъ все окружающее, не обращая вниманія на зовъ дѣтей—мама, мама, падала въ изнеможеніи на колѣни и начинала молиться, рыдать до обморока.

Нерадостныя вѣсти доносились и съ карантина; когда иной поселянинъ спрашивалъ скачущихъ въ Залучье бунтовщиковъ: ну, что, какъ Малѣевъ? — Все хорошо, отъ него и кишекъ не осталось! былъ ложный отвѣтъ.

Тутъ же въ женской арестантской лежалъ ротный командиръ Ивановъ; несчастный, находясь въ полной формѣ, такъ былъ избитъ, что весь распухъ и долго не могли снять съ пальца его кольца и растегнуть поясъ и мундиръ; изъ раненой головы сочилась кровь и образовала цѣлую лужу на каменномъ полу арестантской. Къ счастью, тутъ была полковая бабка, заботливыя старанія которой нѣсколько облегчили невыразимыя мученія безвиннаго страдальца.

Вечеромъ, во вторникъ, поселяне засуетились вытаскивать еще пупки изъ сарая; но такъ какъ вся молодежь ушла въ карантинъ, то пришлось принимать участіе всѣмъ, кто только остался: старцы, бабы, дѣвки и даже дѣти; въ подмогу себѣ они подпрягли какого-то жеребенка, но дѣло двигалось медленно, пока надъ этимъ сбродомъ не принялъ команду какой-то престарѣлый инвалидъ.

Ночь на среду прошла на гауптвахтѣ не безъ приключеній. Стемнѣло; все нѣсколько поутихло; измученные заснули. Не спалось только несчастнымъ дѣтямъ Малѣевой: грязь повсюду страшная, удобства никакого—одна подушка на всѣхъ, въ арестантской темно и ко всему этому началась бѣготня и пискотня крысъ и мышей. Дѣти, какъ ни устали, только дремали, вздрагивали при всякомъ шумѣ и поднимали плачь. Надъ ними сжалились пять

закованныхъ арестантовъ въ мужскомъ отдѣленіи и купили гдѣ-то въ складчину свѣчку, а чтобы бунтовщики съ улицы не увидѣли свѣта, заложили чѣмъ-то маленькое стекло въ дверяхъ; Мавру Ивановну съ дѣтьми они уложили спать на нарахъ.

Толпа поселянъ около гауптвахты стала увеличиваться; среди нея послышался голосъ:

— А что, братцы, не поджечь ли гауптвахту? Пропадетъ Малѣиха съ дѣтьми, то и самъ Малѣевъ скоро сдастся!

— Нечего вамъ это дѣлать, вмѣшался унтеръ-офицеръ Крупенинъ, она и сама ужъ умерла!

Второй разъ такимъ образомъ удалось этому вѣрному слугѣ Малѣева спасти или, по крайней мѣрѣ, облегчить несчастную участь его семьи и ложнымъ извѣстіемъ о смерти Мавры Ивановны предотвратить гибель всѣхъ засѣвшихъ на гауптвахтѣ. На разсвѣтѣ подошелъ къ платформѣ гауптвахты поселянинъ деревни Залучья, надѣлъ офицерскій шарфъ черезъ плечо, назвавшись графомъ Лепешкинымъ, вошелъ въ самое зданіе и обратился къ солдатамъ:

— Здорово ребята!

— Здравія желаемъ! отвѣчали.

Затѣмъ самозванный графъ Лепешкинъ отворилъ дверь къ арестантамъ и закричалъ:

— Выходите ребята! Мы васъ сдѣлаемъ нашими начальниками.

— А какъ ты смѣлъ открыть нашу арестантскую? возразили два артиллериста, скованные цѣпями по рукамъ и ногамъ. — Не бывать вамъ надъ нами начальниками! Вы лучше сами расхлебайте ту кашу, что заварили! А кто насъ посадилъ, тотъ и выпустить.

— Ха, ха, ха! ужъ того и кишки на клубки-то намотаны.

— Ничего, мы безъ начальства не останемся! не этотъ, такъ другой будетъ; а ты сейчасъ запри дверь! а то мы тебя такъ трянемъ цѣпями, что тутъ и сядешь.

Послѣ такой неудачи Лепешкинъ ушелъ, но спустя полчаса времени вернулся и потребовалъ отъ унтеръ-офицера выдачи казеннаго ящика съ деньгами до 75,000 руб. ас. Тотъ не зналъ что дѣлать и доложилъ объ этомъ еле дышавшему ротному командиру, спрашивая—какъ прикажете?

— Отпустить! простоналъ Ивановъ.

На призывъ Лепешкина сбѣжалось нѣсколько человекъ поселянъ, отыскали лошадь, впрягли въ ящикъ и повезли его подъ гору черезъ мостъ; но въ то время какъ они опять подымались на гору, подходилъ къ Залучью стрѣлковый баталіонъ съ карантина: стрѣлки сначала двигались ползкомъ, а потомъ услышавъ стукъ колесъ и увидя ящикъ, захваченный бунтовщиками, бросились къ нему бѣгомъ; пустивъ въ ходъ приклады, они отбили

ящикъ и немедля направились къ гауптвахтѣ, гдѣ и поставили его на прежнемъ мѣстѣ. На вопросъ: гдѣ Малѣевъ? стрѣлки отвѣчали: полковникъ идетъ должно быть съ шумиловской дороги. И дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ Малѣевъ, въ солдатской шинели, съ небольшимъ отрядомъ появился у шлагбаума. Всѣ солдаты, бывшіе на гауптвахтѣ бросились къ нему на встрѣчу. Малѣевъ такъ былъ пораженъ несчастнымъ видомъ своей жены и дѣтей, что, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, уперся въ стѣну и, ничего не говоря, простоялъ въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ; но потомъ, очнувшись, бросился къ Маврѣ Ивановнѣ и всѣ горько зарыдали. Малѣева, сильно взволнованная отъ радости, выбѣжала на площадку, гдѣ выстроился весь баталіонъ, бросилась въ ноги предъ командиромъ, благодаря всѣхъ за спасеніе своего мужа.

— Помилуйте, сударыня, мы сами спасены имъ! закричали стрѣлки, поднимая Мавру Ивановну:—а то бы насъ всѣхъ покропили бунтовщики!

Тотчасъ же сдѣлано было распоряженіе: выдать баталіону кулъ крупы, выкосить отъ гауптвахты до связей часть поля съ рожью и зарѣзать корову; все это было крайне необходимо, такъ какъ стрѣлки съ понедѣльника до среды ничего почти не ѣли.

Отдохнувъ немного, баталіонный командиръ, маіоръ Отроценко, разставилъ часть стрѣлковъ для наблюденія за движеніемъ бунтовщиковъ, а другую отправилъ по деревнѣ искать награбленное имущество; все населеніе Залучья въ страхъ разбѣжалось, только въ нѣкоторыхъ избахъ остались малыя дѣти. Однако поиски были напрасны, ничего не нашли, кромѣ того, что въ предпоследнемъ къ гауптвахтѣ амбарѣ сохранились содранные съ Малѣевскихъ экипажей кожи. Въ это время слышалась тревога въ виду того, что изъ Гадилова къ Залучью двигалась громадная толпа бунтовщиковъ, вооруженныхъ кольями и пивами; они остановились въ деревнѣ Пустошки и узнавъ, что Малѣевъ съ стрѣлками и орудіями въ Залучь, повернули назадъ.

Начались аресты. 15-го іюля, въ день Кирика и Улиты, когда былъ праздникъ въ Гадиловѣ, схватили важнаго бунтовщика Ерофея, заковали въ колодки и посадили на гауптвахту. Объ немъ рассказывали слѣдующее: во время бунта, около церкви въ Залучь стояли передъ толпою два поселянина, Борисъ съ сумкой черезъ плечо и Ерофей, оба въ жалованныхъ царскихъ кафтанахъ; они читали народу бумагу, какъ будто бы полученную отъ самого государя, а на самомъ дѣлѣ это было письмо отъ сыновей одного изъ нихъ, служившихъ въ Петербургѣ на баркахъ и описывавшихъ народное волненіе въ столицѣ по случаю холеры. Когда чтеніе кончилось, то Ерофей, обращаясь къ толпѣ, закричалъ: «бейте братцы, начальство, я за все отвѣчаю!» Однако, несмотря на тща-

тельный обыскъ, никакой бумаги въ домѣ Ерофея не было отыскано.

Изъ всѣхъ жителей штаба въ Залучьѣ не были ограблены только два дома — священника и подпоручика А. И. Зеленскаго; жена Зеленскаго помѣстила своего мужа на подволоку, дала ему краюху хлѣба, чтобы онъ не голодалъ, а сама завязала голову простымъ платкомъ и когда толпа вломилась къ ней, закричала:

— Что вы, голубчики? Вѣдь я не барыня, а купчиха!

— Ну ладно, купцовъ не тронемъ! купцы за насъ, — загалдѣла толпа и вышла вонъ изъ дома.

15-го іюля, семья Малѣева перешла изъ гауптвахты въ связь (домъ) подполковника Суслова. Какъ только Мавра Ивановна не много оправилась, то уѣхала въ Порховской уѣздъ къ двоюродной сестрѣ.

IV.

По распоряженію Малѣева изъ всѣхъ ротъ были привезены орудія въ штабъ, а затѣмъ начали понемногу свозить въ Залучье убитыхъ и раненыхъ офицеровъ: 1) поручика Дубова съ женою и дѣтьми; онъ былъ еще живъ, хотя имѣлъ пять ранъ на рукѣ отъ ударовъ топоромъ и одиннадцать на головѣ; въ мѣстѣ его стоянки докторъ убить первымъ, а потому раны оставшіяся два дня безъ перевязки пришли въ ужасное состояніе; 2) ротнаго командира Ст. Ст. Барцевскаго съ совершенно разбитою головою, такъ что даже мозгъ былъ обнаженъ; 3) ротнаго командира Владиміра Ивановича Алферьева; онъ былъ еще живъ, несмотря на то, что страшно изуродованъ и оба глаза выколоты; 4) ротнаго командира Маркова со всѣмъ уже мертваго; 5) трупъ ротнаго командира Останковича; у него осталась беременная жена и 7 человекъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было 10 лѣтъ; во время бунта жену его два раза принимались сѣчь, а старшаго сына на глазахъ матери чуть было не разорвали, приговаривая: бей его, братцы! будетъ такой же офицеръ какъ и отецъ! — Что вы дѣлаете, безтолочь?! за младенца отвѣтите вдвойнѣ! вступился какой-то старикъ и выручилъ полумертваго ребенка изъ рукъ разъяренной толпы; 6) ротнаго командира Ник. Ив. Воропонова, въ безчувственномъ состояніи отъ побоевъ; при первыхъ извѣстіяхъ о бунтѣ, онъ всѣхъ увѣрялъ, что въ артиллерійскомъ округѣ поселане не могутъ бунтовать, потому что живутъ въ полномъ довольствѣ; развѣ только старовѣры, говорилъ онъ, отомстятъ за ссылку ихъ поповъ; 7) ротнаго командира Дубицкаго, хотя живаго, но въ такомъ состояніи, что его насилу сняли съ телѣги, вся спина у него была черная; такъ какъ онъ лежалъ долго безъ всякой помощи и некому было пустить кровь, то несчастный совершенно ослѣпъ; когда онъ спасался, то встрѣтился съ однимъ поселаниномъ.

— Ложись, баринъ въ телѣгу, пригласилъ тотъ; я доведу тебя до штаба благополучно.

Дубицкій согласился на такое неожиданное предложеніе и влѣзъ въ телѣгу; поселянинъ прикрылъ его рогожею. На пути встрѣтились бунтовщики.

— Что везешь?

— Да это ужъ убитый ротный командиръ! отвѣчалъ поселянинъ.

— Ну такъ и моя кофѣйка не щербата! приговаривалъ каждый изъ нихъ, нанося ударъ по рогожѣ чѣмъ попало, кто коломъ, кто нагайкой.

Кромѣ того, въ Залучье привезли трупъ доктора Муригина; рассказываютъ, что онъ отъ страха забрался на чердакъ, а когда бунтовщики пришли, то выскочилъ въ слуховое окошко и тутъ же убился.

Въ деревнѣ Избитовой жилъ докторъ Ильинскій. Въ день бунта (12-го іюля) онъ шелъ въ штабъ (Залучье); на дорогѣ на него напали бунтовщики и сильно исколотили. Спусти нѣсколько часовъ Ильинскій очнулся и кое какъ поползъ по прежнему пути. Встрѣчается другая толпа поселянъ. Докторъ проситъ хотя глотокъ воды, но бунтовщики насыпаютъ ему въ горло песку и связываютъ назадъ руки. Наконецъ, третье скопище его совсѣмъ добило, не допустивъ до штаба.

Такой же печальной участи подверглись и другіе лица, служившія въ штабѣ. Когда Малѣевъ выѣхалъ изъ Залучья, нѣсколько человѣкъ офицеровъ и аудиторъ находились у Останковича въ избѣ. Замѣтя издали двигающихся бунтовщиковъ, они разбѣжались кто куда попало. Аудиторъ выскочилъ на дворъ, встрѣтивъ растеряшагося священника отца Ивана и вмѣстѣ съ нимъ забился въ темный уголъ хлѣвушки подъ сѣно. Нахлынула толпа въ избу, и увидя въ разныхъ мѣстахъ офицерское оружіе разсыпалась по двору и неистово надѣвалась надъ отысканными жертвами. Перепугавшійся аудиторъ, слыша угрозы рыскавшихъ повсюду поселянъ и вопли избитыхъ офицеровъ, въ виду неминуемой смерти, исповѣдовался у отца Ивана. Просидѣвъ въ хлѣвушкѣ до зари въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь, когда шумъ нѣсколько прекратился, аудиторъ и священникъ незамѣтно выползли и спустились къ берегу рѣки, оставя на произволъ судьбы свое имущество и родныхъ; первый направился въ деревню Романово за 18 верстъ къ помѣщицѣ Варварѣ Андреевнѣ Бостельманъ, а священникъ ушелъ къ старостѣ за 8 верстъ. Едва успѣлъ аудиторъ войти въ деревню, гдѣ думалъ спастись, какъ на него напали крестьяне Бостельмана и, видя форменный аудиторскій сюртукъ, стали вязать руки, приговаривая:

— Ахъ ты собака! ты оттуда ушелъ, такъ вотъ мы тебѣ дадимъ приютъ! какъ бы не такъ! Ребята, въ озерко его!

— Да постоитъ, братцы! крикнулъ одинъ изъ нихъ; нужно осмотрѣть хорошенько, нѣтъ ли у него оду (яду), а то всю воду отравимъ.

Обшарили всѣ карманы, но ничего не нашли кромѣ часовъ, которые тотчасъ были сорваны кучеромъ помѣщицы.

— Гдѣ же ваша барыня? спросилъ аудиторъ.

— Барыня-то? Она ужъ теперь видно далече! Еле, еле выскочила съ душею и тѣломъ! Все бросила и ушла съ дѣтьми и матерью въ Осташковъ въ Нилову пустынь; пускай поспасается!

— Не берите, братцы, грѣха на душу! взмолился аудиторъ; отведите меня къ старшинѣ, онъ дѣло разберетъ.

Просьба уважена, старшина оказалъ ему гостепрѣимство, накормилъ и отправилъ для большей безопасности въ деревню Карпово, гдѣ на большой осташковской дорогѣ находилась гаунтвахта. Это мѣсто скоро сдѣлалось сборнымъ: сюда свозили раненыхъ чиновниковъ, стекались резервные солдаты съ карантинной линіи, подвозили провіантъ, подавали кое-какую помощь... Только 20 іюля подъ охраною команды въ состояніи были двинуться къ Залучью всѣ временные обитатели этой гаунтвахты. Священникъ штаба ушелъ за 50 верстъ въ Демьянскъ.

О другомъ аудиторѣ артиллерійскаго же округа сохранился оригинальный разсказъ. По наружности онъ былъ чрезвычайно безобразенъ, съ неуклюжими манерами, высокаго роста, худой и большой чудакъ. Когда бунтовщики его схватили и стали бить, то послѣ нѣсколькихъ ударовъ онъ закричалъ:

— Стойте, братцы, стойте! Дайте отдохнуть! хорошо ребята бьете! а! нука табачку понюхайте, а потомъ и заработу,—съ этимъ словомъ онъ вынулъ свою табакерку, самъ понюхалъ и угостилъ поселянъ.

Они понюхали и опять принялись его бить. Били, били; вновь аудиторъ прервалъ экзекуціи съ тѣми же приговорами и утощеніемъ.

— Да бросьте его ребята! закричали нѣкоторые; никакъ онъ совсѣмъ дуракъ!

Въ деревнѣ Демидовѣ проживалъ капитанъ фурштатской роты Шибаевъ; во время бунта онъ вдругъ исчезъ неизвѣстно куда; жена его, какъ ни розыскивала, ничего не могла узнать и отправилась въ Петербургъ къ своему отцу Мясникову. Изъ числа арестованныхъ демидовскихъ поселянъ на одного падало большое подозрѣніе въ убійствѣ Шибаева; его допрашивали нѣсколько разъ; но тотъ все отказывался, всегда вздрагивая при имени Шибаева. Наконецъ, на 40-й день самъ заявилъ желаніе идти въ комиссію и сказалъ: «грѣхъ мой! Я убилъ Шибаева; и всего только одинъ разъ ударилъ безмѣномъ. Тря раза ходилъ въ сосѣдній лѣсъ искать скрывшагося тамъ капитана и все неудачно; наконецъ въ

четвертый нашелъ его спящимъ подъ деревомъ; посмотрѣлъ я на него, посмотрѣлъ: трудно было узнать—худой, бѣлый такой, лицо спокойное, одежда рваная, оружія никакого; во мнѣ закипѣло; глаза затуманило; хватилъ разокъ и порѣшилъ; капитанъ не охнулъ, только вытянулся. Я бѣжать... На другой день вмѣстѣ съ братьями тѣло закопалъ тутъ же на пригоркѣ подъ березой.

Дней черезъ семь открылась въ Залучьѣ комиссія для допроса арестованныхъ; а ихъ было такъ много, что, кромѣ гауптвахты, сажали въ больницу и въ артиллерійскіе сараи. Правда до 100 человекъ скоро отпустили, такъ какъ они попали подъ арестъ по насердкамъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, на большой площади въ Залучьѣ происходила экзекуція въ присутствіи генерала Данилова. Потомъ весь артиллерійскій округъ былъ раздѣленъ на два округа пахатныхъ солдатъ № 13 и 14. Съ этого времени они должны были платить оброкъ, чего прежде не было; количество рабочихъ рукъ уменьшилось вслѣдствіе того, что многіе были сосланы; запашки производилось меньше и вообще благосостояніе края значительно ухудшилось.

Малѣевъ получилъ вспомоствованія 5,000 руб. ас., хотя имущества у него было разграблено на 22,000. Правда встрѣчались и такіе счастливы, что за одинъ ударъ получили 200 руб. ас. ежегодной пенсіи. Долго Малѣевъ оставался безъ мѣста и наконецъ былъ назначенъ плацъ-маіоромъ въ Новгородъ. Однажды, во время пріѣзда великаго князя Михаила Павловича, Малѣевъ сѣлъ на плохія дрожки, тѣ сломались; онъ при паденіи получилъ искривленіе позвоночнаго столба, долго болѣлъ и умеръ въ 1847 году.

И. Поддубный.

